

— Мать твою за ногу! Ты будешь меня слушаться, дрянь такая?!..

Лерке пять лет. Мама привезла её в огромный город, где под улицами, реками и домами носятся поезда. А дома эти повзростали сто, нет, двести, наверное, лет назад, и все разные: с колоннами, с полукруглыми окнами, с каменными великанами, которые достают своими огромными руками крыши... И кажется, что у города этого есть секрет, что ночью (а ночью здесь совсем светло), белой ночью, когда мосты расцепляют руки, когда трамваи убегают спать в свои берложки, когда все люди запираются в домах и им снятся обыкновенные города, и мосты, и речки, — тогда-то Ленинград и оживает. Как это выглядит, Лерка, пожалуй, рассказать бы не смогла, но оживает, оживает непременно.

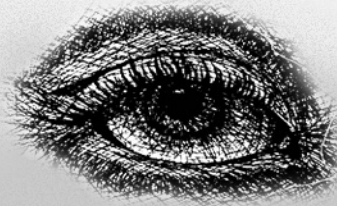
Они долго ходили по Невскому. Было пыльно. Лерка плелась за матерью, а магазины не кончались, и улица не кончалась, и хотелось пить, и писать, и плакать, и посидеть тихонько и одиноко где-нибудь на краю земли, в тенёчке.

В конце концов они пришли к реке, которую охраняли огромные львы, лежащие на высоких гранитных тумбах. К воде спускались ступеньки. И уходили в воду. Уводили на самое дно. Кого — людей? львов? ночной город?..

Мама разрешила снять сандалики и походить по воде. Лерка шла по ступеньке вдоль, было прохладно, и ноги были розовыми, живыми и чужими этой тёмной тяжёлой воде. Мама босоножки свои каблукатые не снимала, шла выше и держала Лерку за руку. Они остановились у подножия тумбы с каменным львом.

И Лерка зашептала: «Одна ступенька, на которой стою, блестит, волна её чуть лизнет и отбежит, а солнце тут же согреет. Вторая — темнее, на ней мне будет по колено. Третья — уже далеко от берега, на ней зелёное и скользкое — мама говорит, водоросли. А следующую можно только угадать: она темней воды и холодней. И там мне будет по пояс, а может, по шейку. А потом я пойду — уже под водой».

Лерке стало не хватать воздуха, было жут-



ДЕРЖИ ЛЕНИНГРАД

Зоя

МАЛЯРЕНКО

г. Петрозаводск



ко и радостно представлять, как она спускается одна без всяких перил в самый сумрак, в самую пустоту. «Там, наверное, так глубоко, что дом пятиэтажный поместится, только антенна будет торчать из воды... Жалко, здесь не водится морской царь. Не водится, иначе вода была бы другая, и берега, и люди... Там внизу чёрный-чёрный песок... И никто не узнает, где я — маленькая, храбрая, одинокая. Одна — в чёрном дворце... А люди будут думать, что там по-прежнему пусто...»

— Лерка, дай покрепче ухвачу: сейчас будут волны, вон — из-под моста кораблик выбежал.

«А волн не будет видно. Я буду сидеть на дне и строить волшебные башенки из чёрного песка... А волосы вплетутся в волну и будут качаться вверх-вниз, а я и не замечу...»

Кораблик был маленький, на скамеечках сидели разноцветные люди.

«...А я посмотрю наверх и увижу только крохотную муху, которая бежит по моему холодному потолку...»

Вдруг вода начала раскачиваться, словно кто-то огромный снизу ударял огромным кулаком в вязкую невскую тьму. Волны схватили Лерку за коленки. Она отскочила и увидела, как её коричневый сандалик заскользил по воде маленькой лодочкой. Лерка ещё могла спасти его, но не успела. Лодочка отчаянно взлетела на волну. И стало видно, что гладкое коричневое дно залито водой.

— Лерка, ты что? Не смей! Его уже не достанешь... Лерка!..

Лерка рвалась отчаянно. Чёрный мир дышал и звал, и глотнул на вздохе детский сандалик.

«Мама, там дырка, дырка маленькая, как раз под пальцем! Он же утонет, пусти, мамочка!..»

Сандалик уходил во тьму, и разрывалось большое Леркино сердце. Коричневый, с потрескавшейся кожей, он был, может быть, самым верным её другом. Лерка вспомнила его новенькие, блестящие, незнакомые бока в начале лета. И то, как потом он постепенно становился старым и родным. Как бежали между его и Леркиной кожей горячие песчинки дворовой песочницы. Как твёрдо стоял он на узкой и шаткой фанерке качели...

Сандалик скрылся совсем, но Лерке казалось, она видит, как он опускается там во тьме — маленький, храбрый, одинокий...

Мама не дала Лерке пойти за ним. Брошенный сандалик остался на дне. Приятель его, завернутый в газету, лежал в чемодане под нижней поезда полкой, на которой спала Лерка. Рядом с маминими каблучками босоножками стояли новые синие башмачки.

«Никогда не полюблю их. Никогда! Никогда!» — шептала Лерка, засыпая.

— Ах ты, гадина! Сволочь! Чему ты, дрянь, улыбаешься, когда я тут воздух сотрясаю?!..

Осенью в Леркину детсадовскую группу пришёл новенький. Воспитательница сказала, что его семья приехала из Ленинграда. Мальчик был большой, выше всех в группе. И Лерка долго думала над тем, как так получилось, что в одной группе оказались Саша Гусков — самый маленький, белобрысый, трусливый и тихий, игравший исключительно с девочками — в дочки-матери, и Саша Кусков — черноволосый, смелый, веселый, отчаянный выдумщик. Одна буква меняется — и человек другой.

В конце утренней зарядки воспитательница, как всегда, объявила бег по кругу. Ребята выстроились в затылок друг другу и побежали. Это всегда было очень весело: можно незаметно для воспитательницы толкнуть бегущего впереди или, резко остановившись, на секунду затормозить общее движение, внести в ряды бегунов сумятицу. Лерка обожала эти минуты и слыла в этом деле заводилой. Главное — серьёзный вид, когда сама лопаешься от смеха.

Круг быстро выровнялся, ленинградца очень кстати поставили бежать следом за Леркой — пора было показать ему, как у них принято веселиться. Воспитательница глянула на часы, Лерка на всём скаку остановилась, перевернулась прыжком на сто восемьдесят градусов и замерла, скорчив жуткую рожу. Новичок, чуть не врезавшись в Лерку, с криком отпрянул. А Лерка, сообразительная девочка, тут же повернулась в строю как положено и побежала. Но в эту минуту кто-то, следующий за Кусковым, не заметивший смятения впереди, со всей весёлой дури налетел на Лерку.

Падая, Лерка понимала, что падает смешно. И действительно, смех поднялся ужасный. Никто уже не сдерживался. А Лерка распластавшейся лягушкой лежала у ног воспитатель-

ницы. Падение авторитета, так долго зарабатываемого ежедневными «физкультпридумками», было неизбежным. И Лерка никак не могла понять, с каким выражением лица ей теперь вставать. Но тут над ухом раздался незнакомый голос: «Тебе больно? Ты ушиблась? Давай помогу», — новенький поднимал её за руку и не смеялся, нисколько не смеялся!

И Лерке стало горячо и радостно. И она вскопчила, как отпущенный ванька-встанька, и проорала: «Ни капельки!» И снова бежала, всё время скашивая глаза на Сашу Кускова. Однако интерес ленинградца к ней иссяк. Кусков взалёлб осваивал новый для себя мир, и Лерка была в нём маленькой и абсолютно равной другим долькой.

В течение дня ленинградец со многими успел подружиться и поссориться, и почувствовать, что он принят, что он свой.

Лерка злилась. Она придумала, наверное, сто способов, как вернуть к себе его внимание, и осуществила их все: визжала, висела на шведской лесенке вниз головой, пела смешную песенку про непослушание, рисовала кукол-невест — таких никто у них в группе рисовать не умел... Но Саша Кусков лишь на секунду поднимал на неё глаза и вновь возвращался к другим, почему-то более интересным для себя делам.

Лерка бесилась. И злилась. Ну как?! Как она, дурочка с переулочка, могла так ответить ему?! Он же хотел помочь, пожалеть, а раз — «ни капельки», то зачем помогать? Ах, как бы было замечательно, если б она сказала: «Да». И чтобы он увидел, как она плачет и как дрожат от этого её плечи... А может, даже лучше было и не отвечать ничего вовсе, а простонать. И лежать дальше. В обмороке. И ленинградец испугался бы. И, может быть, поднял бы Лерку на руки (он же такой большой) и понёс...

Лерка несколько раз упала прямо перед ним. И стонала душераздирающе жалобно. Но ничего не выходило. Совершенно понятно было, что единственный случай (такой случай!) она упустила.

Уже совсем под вечер новичок так освоился, что сбил с ног нянечку, нёсшую по коридору кастрюлищу с ужином. Героя наказали. До прихода мамы он потерял право на свободное перемещение по группе и был обречён сиднем сидеть за столом и развлекаться в компании других наказанных рисованием и настольными играми.

А Лерка страдала.

«За окнами совсем темно... Скоро придёт мама и заберёт меня. И его заберут!!!»

В отчаянии она схватила игрушечную железную кастрюльку, зажала её длинную ручку в кулачке и уже без всяких уловок пошла прямо к нему.

Саша Кусков среди «осужденных» успел стать душой компании. Все ребята наперебой пытались завладеть вниманием новенького, а он что-то тряс между ладонями, фишки или монетки, и хохотал так, что то запрокидывал лицо к потолку, то сгибался над столом в три погибели.

Лерка подождала, когда мальчик наклонится в очередной раз, и в отчаянной надежде изо всех сил трахнула Сашу по затылку. Наверное, у неё в эти секунды остановилось сердце — так она ждала его взгляда, так улыбалась, так обещала всем существом своим верную-верную дружбу навсегда-навсегда.

И новенький обернулся. И Лерка с умоляющими глазами заигрывающе смеялась, потешно трясла кастрюлькой и даже водрузила сей блестящий шлем себе на голову. Но Саша Кусков отвернулся и заревел — громко и призывно. Под всеобщими осуждающими взглядами униженная и испуганная Лерка заметалась в поиске прятки и в дверях группы столкнулась с мамой. Не здороваясь, Лерка рванулась в раздевалку.

«Скорей. Скорей. Колготочки... миленькие... ну одевайтесь, пожалуйста!»

...Выйдя из садика, мама остановилась и повернула дочь к себе:

— Какого мальчика ты избил?

Лерка в смятении молчала.

— Хорошо, стой здесь. Я спрошу у воспитательницы.

— Не надо, мама. Это я...

— Ну, будь смелой. Умей отвечать за свои поступки.

— Саша ... Г-г-гусков. Это я Гус-кова...

Впервые Лерка так, прямо в глаза, врала маме. Но она не смогла выговорить «Кусков», ведь мама сразу бы поняла, что Лерка влюбилась, иначе зачем бы она стала бить человека кастрюлей по голове?..

– *Радуйся, скотина, что отца у тебя нет.
Он-то бы ремнём отходил не по-моему!
Сучка такая... Я день и ночь вкалываю, а она...*

Лерка – красавица. Это видят все. Красавица и умница. Лерка чувствует это сейчас как никогда. Сегодня у неё в детском саду выпускной. Мама разрешила выступать с распущенными волосами. А волосы у Лерки – чудо. До попы, струятся волнами, тёмные, блестящие. И бант – огромный, белый. И платье кружевное, розовое, как у принцессы. Вчера Лерка пела подружкам во дворе песню, которую их группа разучила для родителей. Песня была глубокая, медленная, суровая и начиналась словами: «Дремлет притихший северный город...» Подружкам Леркино исполнение так понравилось, что они мусолили под её руководством слова и мелодию до тех пор, пока матери силой не растащили певиц по домам.

...И случилось чудо, в которое Лерка и поверить не могла, и мечтала о нем лишь украдкой от себя. Незаменимая их солистка Раечка, половину любого праздника одиноко плясавшая, певшая, читавшая стихи об Октябре и любимой мамочке, заболела. Воспитательница поручила исполнение главной песни праздника Лерке – девочке умненькой и серьёзной, да к тому же имеющей довольно приличные голос и слух.

Волновалась Лерка не очень. То есть волновалась, но радостно, предвкушая восхищённые взоры зрителей и громкую славу. Что споёт она не хуже Раечки – это было ясно. Райка-зазнайка. Голос у неё ровный, сильный, но разве она умеет, как учила их Светлана Петровна, музработник, петь так, чтобы и лицо, и голос, и всё, всё в тебе отражало смысл песни!

«А я смогу! – думала Лерка. – Я даже заплачу, если почувствую, что нужно. Пусть у меня голос послабее, но эту песню орать и не обязательно».

– А теперь наш подарок родителям, – Светлана Петровна вышла на середину.

Было видно, что она ужасно волнуется, щиплет себя за юбку и в глаза родителям заглядывает просительно. Ещё бы, это не про «тоненький лёдок» канючить. Это песня настоящая.

И Лерка вышла, чувствуя подкативший к ногам звёздный час.

– Кукла! Просто куколка! Чья это? Принцесса... – прошелестело по рядам.

Лерка хорошо это слышала. И слышала, как всё тут же смолкло, и даже маленькие расписные стульчики под большими тётями и дядями перестали скрипеть.

Проигрыш отзвучал. Лерка запела. Голос и вправду сильным назвать было сложно, но каждое слово, каждая звуковая струйка отражались в нём, как ветер, и падающие листья, и дождь в набухшей реке. И лицо менялось, перетекало из образа в образ. Лерка не красовалась на сцене – она чувствовала. Чувствовала изо всех сил.

*Дремлет притихший северный город.
Низкое небо над головой...*

Лерка видела странный большой город, низкое бледное ночное небо. Тревожные тени облаков, быстро скользящие над каменными львами, над разведёнными мостами, над крышами застывших строгих домов.

Лерка закрыла глаза и все силы души вложила в любимые свои строки – они прозвучали щемяще-тепло на суровом фоне первых двух.

**...Что тебе снится, крыса Варвара,
В час, когда утро встает над Невой?..**

«Как это хорошо. Как правильно – прямо до слёз, – что в такой суровой песне о каменном городе с каменными львами, о больших железных кораблях, о сильных строгих людях, которые называются «патрули», поётся про маленькое животное. Тёплое живое существо – среди «вспышек орудий», молний и солёного ветра, среди всех этих больших, суровых судеб...»

*...Судьбы их тоже чем-то похожи,
чем-то похожи на судьбы людей...*

Слёзы подкатывали. Но и это было хорошо. Было хорошо. И она любила этот далёкий город и всех – и больших, и маленьких – в нём. И казалось, что, когда допоётся песня, лучше бы умереть...

*...Ветром солёным дышат просторы,
Молнии крестят мрак грозовой...
Что тебе снится, крыса Варвара,
В час, когда утро встаёт над Невой?*

Лерка открыла глаза и поклонилась. Она знала, что лица зрителей изменятся: не может остаться прежним лицо того, кто вместе с ней прожил эту песню. И всё же Лерка не ожидала, что они изменятся так. Что-то жалостливо-тревожное появилось в глазах слушателей. Хлопали слабо. Но Лерка понимала, что лучше спеть нельзя. Что лучше не бывает. Что она уйдёт в школу, а в садике её всегда будут вспоминать такой — поющей самую главную и красивую песню. И мама обнимет её и скажет: «Я тобой так горжусь. Мне так хорошо быть твоей мамой...»

...По дороге домой они молчали. Лерке отчего-то было тревожно. И «гусиная» кожаца ёжила плечи под розовым шёлком.

— Зачем ты всё испортила, Валерия? Весь праздник испортила... — голос у мамы был тусклый, чужой. — Люди думали, ты большая и умная. Такую песню тебе доверили... А ты!.. Всех подвела! Неужели ты не знаешь, что это про крейсер «Аврора» песня. Вся, от начала до конца. Никакой глупой грязной крысы там нет и быть не может. Крейсер «Аврора» — это легендарный корабль. Он дал первый залп по Зимнему. Это послужило началом...

Слова были чужие и мёртвые. Песня рассыпалась, и они шли по ней чужие ей и себе. Лерка не плакала. Было всё равно. И не больно наступать на шелушинки слов и звуков. Всё умерло. Только жалко, жалко, жалко было — мёртвую крысу Варвару.

— Выродок! Гадина!
Уколбасилась со своими соплячками на Неву.
Я искать вас, сучек, в другой раз не буду.
Утонешь — и слава богу!
Че ты рот раззявила?
Чё ты теперь ревьешь, сволочь?!
Да заткнись же, сука, захлопни свою варежку!!
Ах ты, гадина! Гадина! Гадина! Сволочь!..

Тридцатилетняя Лерка молотила свою пятилетнюю Динку по замазанным слезами и соплями щекам, трясла за худые покорные плечики...

Вокруг угасал большой странный город.

Бежали в свои далёкие берложки звонкие трамваи...

Низко летело над тёмной Невой бледное небо...

Каменные львы, опустив на лапы тяжёлые головы, задумчиво следили за скользящими в реке тенями облаков...

Белый катерок гнал волну к ступеням, уводящим в воду...

...У города была тайна...

...Огромное — до неба — Леркино детство, зачем оно было?..

Зоя Фридриховна МАЛЯРЕНКО

родилась в Ижевске.

Училась на филологическом факультете

Петрозаводского государственного университета.

Работала учителем, журналистом, корректором.

Пишет стихи, прозу.

Публиковалась в журнале «Север».

Автор книги стихов «Зоя» (2007).

